

44. *Umlauf V.* Op. cit. S. 300–301.
45. *Lawn Chr.* Op. cit. P. 114.
46. *Гадамер Г.- Г.* Истина и метод. С. 542.
47. *Lawn Chr.* Op. cit. P. 114.
48. *Гадамер Г.- Г.* Истина и метод. С. 543.
49. См.: там же. С. 538.
50. Там же. С. 549.
51. Там же. С. 550–551.
52. Даже у Витгенштейна «Августинова картина языка» содержит внутренний, то есть духовный, интеллектуальный потенциал языковой игры, способность к трансформации и к расширению своей тематики, в том числе и в поэтическом произведении (См.: *Lawn Chr.* Op. cit. P. 118, 126).

УДК 165.431

Н. Н. Ярыгин

ВЕРА В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

В статье рассматривается категория веры, которая присутствует в научном познании. Вера представлена здесь в психологической и рациональной (когнитивной) формах. Вера и знание тесно связаны между собой и являются источниками формирования научных теорий.

Article concerns the category of belief as one of the essential parts of science. Scientific belief exists in psyche and rational (cognitive) forms. Belief and knowledge closely link with each other and are origin of scientific theories.

Ключевые слова: вера, знание, научное мышление.

Keywords: belief, knowledge, scientific thinking.

В научном познании вера представляет из себя состояние познающего индивида, выражающее ценностное отношение к знанию, способствующее принятию его без рационально-теоретических обоснований. Процесс познания человеком окружающей действительности представляет из себя единое целое. Лишь наша рефлексия условно разделяет его на чувственный и рациональный уровни, которые никак не могут быть представлены в чистом виде. Можно лишь говорить о преобладании одного из уровней в какой-либо сфере познания, и следует это из единой и неделимой природы человека, его духовной и телесной составляющих. Преувеличение значимости чувств над разумом или разума над чувствами ведёт неминуемо к заблуждениям и ошибкам. Вера соединяет воедино рациональное и образное, сознательное и бессознательное, мысль и чувство.

Научное знание, его систематизация в современном понимании появляются в относительно позднее время, начиная с научной революции Нового времени. Ранее научное знание пребыва-

ло в довольно аморфном состоянии, тесно соприкасаясь с жизненно-практическими, обыденными познаниями и навыками человека. Без сомнения, научное знание и вырастает из знания обыденного [1]. Любой человек обладает практическими знаниями, приобретенными посредством жизненного опыта и не подлежащими ни малейшему сомнению. Знания эти не имеют практически рациональных обоснований и закрепляются в обыденном сознании посредством веры, приобретают характер психологической уверенности индивида. К примеру, представление о земном притяжении является предметом подобной веры, и ни один здравомыслящий человек не будет проверять это на практике, прыгать со скалы вниз на камни. В подобной ситуации человек вряд ли вспомнит и теорию тяготения А. Эйнштейна, он всецело доверится собственному опыту. «При обучении езде на велосипеде мы можем начать с веры в то, что можно избежать падения, поворачивая руль в ту сторону, куда нам грозит падение, и эта вера может оказаться для нас полезной» [2]. Научившись какому-либо навыку, человек может забыть подобное правило, вернее, оно уходит на подсознательный уровень и становится вновь сознательным лишь в случае своей ошибочности. Такое знание закрепляется на уровне двигательных автоматизмов, укореняется в психике посредством соответствующих структур. Кроме того, человек как сознательно-духовное существо познает мир и рациональным путем. Личностное восприятие объективного мира порождает идеальные образы, на основе которых формируется мир идей. В обыденном языке термин «идея» употребляется довольно в широком значении. На теоретическом уровне «идея» представляет собой обобщение, порой высшего порядка, но всегда несущее личностную нагрузку. Со времён Платона знание незаслуженно сужали до объективного, рационально-теоретически доказанного содержания. Однако человек знает намного больше, чем он может выразить доступными ему средствами. Личностное знание, являющееся достоянием человека единичного, можно считать источником знания научного. Периферическим знанием называет его М. Полани, будь то езда на велосипеде или невыразимое знание хирурга об органах [3]. Знание это используется человеком как при ориентации в окружающей действительности, так и в актах познавательной активности. Соответственно это будут сенсомоторные навыки, восприятие реальности, использование языка, а также методы диагностики и экспериментирования, акты научного творчества. Личностное знание содержит в себе явные и неявные компоненты. Неявный слой знаний осваивается человеком в практических действиях, в совместной научной деятельности. В на-

уже неявное знание вкраплено в искусство экспериментирования, в теоретические навыки ученого, в его убеждения и верования, оно не подлежит полной экспликации и передаётся через индивидуальное обучение мастерству научного поиска и межличностные отношения ученых. Личностное знание неотделимо от науки, оно активно содействует научному творчеству и поиску истины. Так, например, идея числа долгое время существовала в древности на уровне личностного знания и лишь спустя много времени трансформировалась в понятие числа, которое приобрело объективную значимость для будущей науки. Подобное абстрагирование от предметного счета древнего человека и переход к арифметике чисел стали возможными благодаря когнитивной вере в сочетании с интерсубъективной проверкой эмпирических данных. Человек в познавательном процессе довольно часто ощущает дефицит опытных данных при принятии каких-либо определений и положений, поэтому веры психологического порядка часто бывает недостаточно. Здесь на помощь приходит когнитивная вера, компенсирующая нехватку фактов эмпирии. Человеческий опыт помимо чувственных данных всегда содержит и рациональный компонент. Когнитивная вера будет всегда верой чувственно-рационального порядка. Хотя научные понятия принадлежат к миру объективного знания, лишены субъективных компонентов, однако сам акт их принятия основывается на когнитивной вере. Веру поэтому можно считать условием всякого познания. Однако возникает вопрос, как вера из психологического феномена превращается в когнитивный фактор познания реальности? Для ответа следует обратиться к анализу объективного знания, точнее – к его началам, к предпосылочному знанию. Последнее на индивидуальном уровне представлено личностным знанием, интуицией, эвристикой, на теоретическом – аксиомами, постулатами, определениями.

Объективное знание начинает складываться на основе теоретических обобщений, ставших возможными лишь с появлением философии, которая начинается с критики мифа и традиционных верований древнего человека, первые греческие философы в поисках начал мира, конечно, еще мало чем отличались от мифотворцев. Лишь Платон начинает связывать истинные знания с познанием мира идей, а изменчивый чувственный опыт – с иллюзиями, мнениями и верой. Разделение это определило дальнейшее сужение знания до истинного знания и отождествление его с содержанием сознания при осознании достоверности и истинности. Критерием истинности знаний выступает рациональное обоснование. Однако в философских спорах партнёры неизбежно вынуждены были обращаться к начальным

определениям и категориям, и лишь при взаимном принятии последних происходил дальнейший диалог. Такая картина наблюдалась не только в области метафизики, но даже при систематизации математических знаний. Для пифагорейской школы началом мира были числа. Познание чисел становится познанием природы. Казалось бы, основа математики – арифметика чисел – опирается на полнейшие рационально-теоретические доказательства. Однако на практике получается обратное. Рассматривая арифметическое выражение « $2 + 2 = 4$ », А. Пуанкаре анализирует его доказательство Г.-В. Лейбницем, которое оказывается всего лишь проверкой частного случая конкретного выражения, переводом предпосылок на язык заключения. «Истинное же доказательство, наоборот, плодотворно, ибо в нём заключение является в некотором смысле более общим, чем посылки» [4]. К примеру, результат доказательства теоремы Пифагора имеет квантор всеобщности: для всех прямоугольных треугольников справедливо... Отсюда следует, что арифметические выражения типа « $2 + 2 = 4$ » верны по определению (условное соглашение) и представляют из себя бессодержательные тавтологии как формальные приемы преобразования символов. Начала геометрии (точка, прямая и т. п.) также не могут быть рационально-теоретически обоснованы. Евклид систематизировал их в виде аксиом, постулатов и определений, позднее это всё было названо аксиомами. Уже Аристотель сомневался в обоснованности начал любой теории. Рассуждая о началах доказательства, он справедливо замечает их недоказуемость в пределах одной теории [5]. В качестве научного метода Аристотель предлагает аналитику – теорию аподиктического силлогизма, исходящую из достоверных и необходимых посылок. Здесь нетрудно проследить дедуктивно-аксиоматический метод, заимствованный из геометрического доказательства. Начальные принципы философского знания недоказуемы и познаются непосредственно интеллектуальной интуицией, а также частично – эмпирическим путем при помощи индукции. Познание вещей Аристотель связывает с познанием их первопричин, а научное знание – это всегда знание об общем, так как знание о единичном невозможно, оно всего лишь эмпирический факт. Аристотель отвергает правдоподобие в качестве критерия при принятии начал, свойственное диалектическому силлогизму, когда некоторое положение признаётся большинством как исходная посылка. «...Не правдоподобие есть для нас начало, а первое, принадлежащее к тому роду, о котором ведется доказательство...» [6] Аристотель здесь отдаёт предпочтение знанию перед мнением.

Попытки обоснования начал предпринимались в последующие времена практически всеми философскими школами. Античная традиция принятия начал по определению наиболее полно выражена в конвенционализме А. Пуанкаре. Английский эмпиризм Нового времени ищет обоснование начал в чувственных данных опыта. Европейский рационализм XVII в. принимает начала как очевидность. Априорную природу начал отстаивает И. Кант, они невыводимы из опыта, последний есть лишь проверка, а не доказательство некоего положения. Обилие опытных данных не позволяет нам еще делать обобщения. На рубеже XIX–XX вв. Д. Гильберт предпринимает попытку аксиоматизации геометрии Евклида и выдвигает концепцию метаматематики (теории доказательств). Однако в 1931 г. К. Гёдель доказывает свою знаменитую теорему о неполноте достаточно больших формальных систем, в том числе арифметики натуральных чисел и аксиоматической теории множеств [7]. Подобные системы содержат в себе истинные предложения, которые недоказуемы и неопровержимы в данных рамках, то есть эти предложения берутся из других систем и принимаются на веру. Конечно, здесь не идёт речь о том, что математика содержит в себе веру, как всякая научная теория (объективное знание), она свободна от последней. На веру принимаются начала математики. Научное познание хотя и стремится к полной достоверности, но никогда не достигает её вследствие невозможности полной формализации научного знания, о чем свидетельствует теорема К. Гёделя.

Допустимы две различные интерпретации любой системы аксиом. «Аксиомы можно рассматривать либо как конвенции, либо как эмпирические, или научные, гипотезы» [8]. Вера в них способствует процессу познания в качестве психологического фактора, играя одновременно и когнитивную роль. Традицию конвенционализма поддерживает и Э. Шрёдингер. «...Мы в лучшем случае можем договориться о структуре чувственно воспринимаемого мира, но не о качестве строительных камней, из которых этот мир состоит» [9], — пишет он об аксиомах математики. Предпочтительнее всё-таки видится вторая точка зрения, то есть аксиомы являются эмпирическими или научными гипотезами. К примеру, понятия «прямая» и «точка», встречающиеся в любой системе аксиом геометрии, можно интерпретировать в эмпирическом отношении как «световой луч» и «пересечение световых лучей» соответственно в качестве научных гипотез. При любой конвенции практически невозможно освободиться от предшествующего опыта, знаний и практики, это всегда накладывает отпечаток на любое определение. Доказательством этого служит отсутствие в науке абсурдных определений, при-

нятых по соглашению в прагматических целях. Критерий удобства, выдвигаемый сторонниками конвенционализма, тоже идёт от опыта, от практики. Предпосылочное знание имеет своё происхождение в человеческом опыте, и только в опыте. Любой набор опытных данных ограничен, он никогда не охватывает того многообразия явлений мира, которое может предложить человеку природа. Отсюда следует, что обе точки зрения на происхождение аксиом в принципе можно считать близкими по существу, аксиомы выводятся из опыта и носят гипотетический характер. Подтверждается это развитием научного знания. К примеру, одна из аксиом геометрии Евклида гласит, что в плоскости через точку, не лежащую на данной прямой, можно провести одну, и только одну, прямую, параллельную данной. Более двух тысяч лет данное положение считалось незыблемым и определяло представление человека о трёхмерности пространства. Российский математик Н. И. Лобачевский заменил эту аксиому на следующую: в плоскости через точку, не лежащую на данной прямой, можно провести более одной прямой, не пересекающей данной. Данное положение позволило создать ему неевклидову геометрию, теоремы которой часто парадоксальны по отношению к теоремам геометрии Евклида. Так, на сферической поверхности параллельные прямые могут пересекаться, как пересекаются меридианы на полюсах глобуса, хотя на экваторе они задаются параллельно друг другу. Логическая выводимость неевклидовой геометрии, её совершенство поставили геометрию Лобачевского в один ряд с евклидовой, что существенно изменило и обогатило наше представление о природе пространства. Аналогичным образом поступил А. Эйнштейн при создании общей теории относительности, в основу которой он положил два постулата: принцип относительности, означающий равноправие всех и нереальных систем отсчета, и постоянство скорости света в вакууме, её независимость от скорости движения источника света. Общая теория относительности, таким образом, отразила зависимость геометрии пространства-времени от характера поля тяготения, когда вблизи больших масс тяготения происходит искривление пространства, отклонение его от геометрии Евклида и замедление хода времени. Впоследствии эти выводы А. Эйнштейна были подтверждены строгими эмпирическими данными при наблюдении движения Меркурия вокруг Солнца. Названное открытие позволило неклассической науке сформировать новую картину мира, более адекватно отражающую физическую реальность вокруг нас. Однако современная наука отнюдь не отрицает, к примеру, науку Нового времени, как геометрия Лобачевского не отменяет геометрии

Евклида, вполне справедливой при определенных условиях, а именно при принятии ряда иных аксиом и определений. Объективное научное знание в итоге имеет гипотетические основания, подверженные постоянному пересмотру и изменению. Аксиомы, постулаты и определения принимаются, таким образом, на веру в качестве рабочих гипотез. Естествознание в изучении природы пошло по пути изучения свойств предметов и их отношений, добилось больших результатов, поэтому споры о понятиях в современной науке не играют большой роли. Регресс к исходным понятиям и определениям превращается в замкнутый круг, тогда как их следствия дают конкретные результаты науке. Однако это ничуть не умаляет роль веры в научном познании.

Значимость практической достоверности знаний, отстаиваемая в своё время И. Кантом, была воспринята американским прагматизмом, в котором вера приобретает статус знания. Человеческое познание здесь движется от сомнения к устойчивой вере. Веру Ч. Пирс определяет как готовность действовать, которая есть единственный, подлинный и непогрешимый её критерий [10]. В итоге последний превращается в содержание той идеи или предложения, в которое верят. Данный психологизм в теории познания унаследован от Дж. Беркли и Д. Юма. Вера понимается исключительно как состояние сознания, противоположное сомнению, и практически отождествляется с привычкой, сводится к непосредственному ощущению. Включая веру в мыслительный процесс (сомнение, исследование, верование – привычка), Ч. Пирс отдаёт ей явное предпочтение перед достоверным знанием, что в итоге ведёт к отрицанию теоретической достоверности наших знаний. Научный метод предполагает у него принятие гипотез о независимом от человека существовании вещей, а истина понимается как верование, к которому научное сообщество пришло бы в случае бесконечного процесса исследования. Содержание понятия у Ч. Пирса ограничивается понятием о его потенциальных практических последствиях, то есть вызываемых им ощущениям и привычкам. Таким образом, истина приравнивается к вере, вызывающей в нас действие, которое ведёт человека к поставленной цели. Однако в поздней версии прагматизма Ч. Пирс всё же отрицает совместимость веры и научного знания, особо выделяя практическую веру как основу действия. «...Вера неуместна в чистой теоретической науке» [11], – пишет он в 1903 г. в «Лекциях о прагматизме». Принцип выдвижения гипотез как единственного метода расширения эмпирических знаний о мире, выдвинутый им, прочно вошел в современную логику науки, что легло в основу теории фаллибилиз-

ма. Гипотетичность научного знания допускает и некоторые его ошибки, что в итоге обеспечивает его рост. Сомневался Ч. Пирс даже в математике: «она погрешима, как погрешимо и всё человеческое» [12]. Однако остаётся практическая достоверность, которая позволяет нам в жизни пользоваться таблицей умножения. Вера как активное состояние сознания человека способствует ему в познании действительности.

Окончательное развитие фаллибилизм получает в работах современного английского мыслителя К. Поппера, который отрицает существование универсального критерия истины. Однако это не означает произвольный выбор среди конкурирующих теорий в науке. Фаллибилизм предполагает два фактора: во-первых, мы не застрахованы от заблуждений, во-вторых, стремление к полной достоверности знаний ошибочно. Однако не следует понимать ошибочным стремление к истине, которое необходимо в науке. Скорее, это будет бесконечное приближение к истине, чем обладание ею, когда мы можем пренебречь малой долей заблуждения. Фаллибилизм показывает, что вера и знание тесно связаны между собой и являются источниками формирования научных теорий, которые являются лишь фрагментами роста научного знания, а не застывшей догмой.

Таким образом, вера в научном познании способствует поиску новых знаний, принятию и закреплению их в сфере объективного знания. Вера в научном познании представлена двумя основными видами: во-первых, это психологическая вера, более связанная с наличным знанием-результатом (определения, теории, законы), во-вторых, это когнитивная вера как состояние сознания ученого, принимающего гипотетические знания и умозаключения без соответствующих рационально-теоретических обоснований.

Примечания

1. См.: Пукшанский Б. Я. Обыденное знание. Л., 1987.
2. Поттер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания // Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 256.
3. Полани М. Личностное знание. М., 1985. С. 129.
4. Пуанкаре А. Наука и гипотеза // О науке. М., 1983. С. 13.
5. Аристотель. Метафизика // Соч.: в 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 103–104.
6. Аристотель. Вторая аналитика // Соч.: в 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 268.
7. См.: Нагель Э., Ньюмен Д. Теорема Гёделя. М., 1970.
8. Поттер К. Логика научного исследования // Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 99.
9. Шрёдингер Э. Моё мировоззрение // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 80.
10. Мельвил Ю. К. Чарльз Пирс и прагматизм. М., 1968. С. 256.
11. Там же. С. 338.
12. Там же. С. 411.

А. Г. Подлевских

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ «АННАЛОВ»: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ИДЕЙ

Статья посвящена историческому мышлению представителей школы «Анналов». Характеризуются ее эпистемологические основы. Выявляется значение научной школы для развития исторического познания.

The article is devoted to the problem of the «Annales» cognitive potential. The general concept on the methods of approach in the «Annales» is given. It's directions and research methods are separate problem of the historical epistemology.

Ключевые слова: эпистемология, история, исследовательский подход.

Keywords: epistemology, history, cognitive potential, methods of approach.

В XX в. на развитие исторического познания постоянное и существенное воздействие оказывало творчество исследователей, подходы которых ассоциируются со школой «Анналов». Ее представители, скорее, склонны отрицать существование таковой [1]. Но поскольку выделяются четыре поколения историков, мышление которых объединяется концептами и методологией, то уместно говорить о самостоятельном идейном движении. Без него историческая эпистемология немыслима: «Анналы» признаны самым важным историческим журналом не только во Франции, но и во всем мире [2].

Эпистемология «Анналов» специфична уже хотя бы нарочитым отказом от теоретизирования. Крайнее выражение этого – противопоставление философии и исторического познания («философия истории – враг истории»). Но без предзнания, без посылок и без обобщений исследование едва ли можно было бы считать состоявшимся. Следствие: есть основание говорить о второй черте – о латентном развитии теории исторического познания наряду с эмпирикой, тканью конкретно-исторического текста. Последнее выделялось Ле Гоффом: «Не отрицая важности теории в социальных науках, а в истории в особенности, я не предпринимаю теоретического исследования, к которому у меня нет данных». Ж. Дюби сформулировал свое кредо иначе: «У меня мало вкуса к теориям, я занят своим ремеслом и не размышляю над ними» [3]. Каковы были исследовательские приоритеты?

Основой творчества для представителей «Анналов» является сочетание различных подходов. Уже Л. Февр и М. Блок сформулировали про-

блему обновления базовых моментов исторического познания. Идея отразилась в мышлении последователей, ее развитие укладывается в три периода. Содержанием первого периода стало использование результатов географии, социологии, психоанализа, языкознания. Центром второго стал концепт «тотальная история» Ф. Броделя. Третий этап выразил кризис исторической науки после постмодернистской атаки. В качестве средства выхода из кризиса стал рассматриваться междисциплинарный синтез. Идея синтеза обусловила антропологическую направленность (познание всего, что характеризует мир человека). Это обусловило стиль основного вопрошания исследователей, обращенного к сознанию человека прошлого (история ментальностей). Антропологическая направленность проявляется в творчестве Ж. Ле Гоффа, М. Ферро, Э. Ле Руа Ладюри. Ж. Ле Гофф в «Другом средневековье» прямо относил цель исследования непосредственно к исторической антропологии. Ж. Лефевр выразил это как «синтетическое описание всех форм человеческой деятельности» [4]. В наиболее общем виде с выражением этой идеи мы встречаемся у М. Вовеля: «Изучение опосредований и диалектического отношения между объективными условиями жизни людей и способом, которым они его понимают и даже которым они реально существуют» [5].

Познание ментальностей сделало необходимой герменевтическую направленность исследований. «Ментальность» – концепт, который объединил познавательную деятельность самых разных авторов. Работа в данном направлении напрямую определяется проблемой сознания, поэтому именно его М. Блок выделял в качестве предмета истории [6]. Но как можно постичь ментальность? Путь один: вжиться, вчувствоваться в мир человека исторического. Ж. Дюби эту черту «Анналов» выводил из предшествовавшего развития своей науки: «История с самого начала стремилась стать психологической, т. е. пыталась объяснить... события... действием реальных людей... видя причину событий в намерениях и страстях этих людей» [7].

Поворот от изучения великих событий (классическая историография) к пониманию человека в истории и истории в человеке по своей сути является герменевтическим. Человек предстает через текст, подход основателей «Анналов»: «Тексты, тексты и ничего, кроме текстов». Возникла взаимосвязь ментальностей, биологического и социального начал в мире человека исторического (Ж. Дюби и М. Блок, Ладюри). Сложнее определить разграничение герменевтики и антропологии; в конкретно-историческом исследовании они соединяются: «История – наука о